



Вет. Ленинград. — 1990 — 25 апр.

«ЧТОБ МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ...»

Диалог с популярной ленинградской тележурналисткой
Наталией АНТОНОВОЙ

Каждую субботу, поздним вечером, мы поудобнее устраиваемся у телевизора посмотреть очередной выпуск «Телекурьера». А чтобы это произошло, ранним субботним утром два тележурналиста, он и она, отправляются в путешествие по Ленинграду... Репортаж за репортажем, темы — самые разные, калейдоскоп событий, судеб, настроений... Особенно удается все это Наталии Антоновой, которую мы с вами давно уже полюбили за ум, изящество, обаяние, миловидность... Вот почему я, положив в сумку репортерский диктофон, пришел на Ленинградское телевидение, а там разыскал комнату, на дверях которой значится: «Дикторская»...

— Наташеньна, когда я люблюсь вами в «Телекурьере», когда вижу, как вы проникаете туда, куда еще совсем недавно ступать ноге тележурналиста было непозволительно, невольно возникает мысль: «Ну какой же страм устоит перед такими женскими чарами!»

— За комплимент спасибо, но все-таки это взгляд со стороны. Мне вообще кажется, что в нашем обществе в наше время женская привлекательность не имеет почти никакого значения. Что же касается «Телекурьера», то сама его репутация при подготовке материала оказывает куда большую помощь, чем, скажем, внешние данные ведущей...

— А все же случается, когда ни за что не пускают?

— Сейчас такое уже редко, например, мы не прорвались на «Красный треугольник», когда хотели продолжить репортаж о рабочем, который вынужден жить прямо в цехе. Первый раз, когда мы проникли туда не официальным путем, а через своих «агентов», все прошло гладко. Но вот потом, когда явились к официальным лицам за официальным ответом, наткнулись на отказ. Пришлось снимать этот отказ. То есть, если речь идет о защите каких-то ведомственных интересов, никакие «женские чары» не помогают...

— Адреса ваших репортажей самые разнообразные, темы — тоже. Но, наверное, есть среди них и такая, что особенно близка?

— У меня очень болит сердце за состояние нашего города, и, поверьте, это не просто красивая фраза... Все мои предки — питерские, дед участвовал в революции девятьсот пятого года; правда, никого из своих дедушек и бабушек не застала: все погибли в блокаду. И мама блокадница. И отец воевал на Ленинградском фронте, стал здесь инвалидом первой группы... Так вот, случилось мне после института, по семейным обстоятельствам, стать москвичкой, но через пять лет не выдержала, вер-

нулась, потому что не смогла больше без Ленинграда. Я так люблю наш город, что оставила тогда профессию инженера и устроилась в экскурсионное бюро: какая это радость — водить людей по местам Пушкина, Достоевского... И когда вижу, как наш город чахнет, как все разрушается, осыпается, комок подступает к горлу... Еще до «Телекурьера» у нас была передача «Контуры», в которой, пожалуй, мы первыми стали бить в колокола — по поводу состояния зданий, улиц, по поводу «секретных» дач на Каменном острове... И о запасниках Русского музея тоже рассказали впервые. Помню, например, снимали «Черный квадрат» Малевича — и для прежнего директора музея это было таким запретным, таким невозможным!.. Однако зерна, которые мы тогда пытались посеять, вероятно, упали на еще не подготовленную почву. Зато спустя время, когда вновь обратились к коттеджам на Каменном, наша передача вызвала огромный резонанс...

— Вероятно, эта боль за город заставила вас недавно заняться и пропагандой так называемых совместных предприятий, которые должны принести Ленинграду немалую валюту?

— Конечно. А некоторые «патриоты», между тем, кричат: «Караул! Не пустим капиталистов в город трех революций!». Сколько в связи с этим получаю оскорбительных писем, порой полных даже цензурщины. Или вот совсем недавно после прямого эфира звонит зритель: «Интересно, откуда у Антоновой такая кофточка? Небось, получила взятку от инфофирмы?». Противно и обидно...

— Помню, однажды в «Телекурьере» поразило меня ваш репортаж из каморки старой ленинградки, которую покусили крысы...

— Я тоже была потрясена: в каких ужасающих условиях существует эта блокадница!.. И у моего напарника, Кирил-

ла Набутова, был подобный сюжет, когда он спрашивал у обитателя мрачной коммуналки: «Сколько же лет здесь прожили?». Оказалось, с 1918-го! Господи, да как же так возможно? Для подобного ли этот человек родился на свет? Коммуналки... Я сама росла в похожей густо населенной квартире на улице Чайковского: у нас на девяти квадратных метрах не было места даже для детской кроватки, поэтому спала я в корыте, водруженном на обеденный стол...

— И какой же у вас был телевизор?

— «Ленинград Т-2» с крошечным экраном...

— Не мечтали тогда оказаться рядом с Нелли Широких и другими популярными дикторами ленинградского ТВ?

— Даже намек на подобное желание не было. И театральным институтом, как многие девочки, не грезила. Хотя по склонностям — явный гуманитарий, поступила в ЛИИЖТ, стала инженером по электронно-вычислительной технике...

резонанс на передачу во всяком случае был огромный... И на «Телекурьер» тоже горячо откликаются...

— Такое впечатление, что особенно удобно в «Телекурьере» вам работается с Набутовым...

— Это, наверное, потому, что мы одинаково думаем и у нас одинаков подход к проблемам. И еще, мне кажется, есть у нас такое сходное качество: пытаться говорить даже о самых серьезных вещах через иронию, и прежде всего — иронию к самим себе... А ирония, согласитесь, — очень действенное оружие...

— Вы так мило смотрите вместе, что, вероятно, кое-кто из телезрителей убежден: супруги...

— Если думают так, то ошибаются. У Кирилла прекрасная жена, только что родила второго сына. А я живу вдвоем с дочкой...

— Танова уж наша действительность, что «Телекурьер» больше повествует о трудностях. И, конечно, в такие минуты ваше сердце не может не болеть. Но ведь бывают сюжеты и совсем иные, когда ваша душа преисполнена радости?

— Бывает. К примеру, когда нам впервые позволили снимать в церкви, приехали к евангельским христианам, и меня поразило их какое-то удивительное отношение в людям, к жизни. Этой своей любовью они красивы не только внутренне, но и внешне... А вообще вы правы: в «Телекурьере» положительных эмоций почти не получаешь, наоборот — после съемок усталый, разбитый. Да и чисто физически трудно: съемки с восьми до двадцати двух, потом — монтаж, эфир...

— А если еще мерзкая погода, гриппозное состояние?

— Сплошь и рядом. И в этом наше отличие от, например, работников торговли или общественного питания, которые запросто могут выплеснуть свои отрицательные эмоции на клиента. Мы же, несмотря ни на что, обязаны сохранять свой имидж, и наши внутренние слезы никому не интересны...

— Зато, вероятно, сколько приятных мгновений доставляет популярность... Вас же наверняка узнают на улице?

— Узнают... Как-то выхожу из троллейбуса, нагруженная сумками, усталая, а молодой человек: «Вы очень похожи на диктора телевидения Наталию Антонову». «Не знаю ее, — говорю, — не смотрю телевизор». «А вы посмотрите, — советует, — правда, очень похожи». И побежал дальше...

— Не предложил помочь поднести сумки?

— Ну что вы!

— Мне кажется, что вы с большим желанием рассказываете зрителю «Телекурьера», скажем, о концерте классической музыки или джаз-ансамбле, чем об очередных исполнителях рока...

— Помните наш с Кириллом репортаж о рок-фестивале? По-моему, он тоже был достаточно проинтересен...

— Ну а как же вы, Наташеньна, отдыхаете?

— Увы, свободного времени — самый мизер, и если оно образуется, читаю. Наверное, это вообще самое замечательное занятие, которое есть у человека. Сейчас много публицистики, но хочется и просто хорошей литературы: Булгакова, Набокова, у Пушкина особенно люблю письма...

— А стихи?

— Огромное количество пушкинских строк знаю наизусть, а самое любимое — «Элегия» 1830 года: «Безумных лет угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье...»

— Там дальше: «...Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» Может, это ваш девиз?

— В какой-то мере...

Журналисты в благодарность за свою работу получают розы, увя, не привыкли: в основном достаются им шипы. И все-таки... И все-таки очень хочется, чтобы такие мои коллеги, как Наташа Антонова, истинная представительница Прекрасного Пола, почаще ощущали, как их дело и они сами нам нужны, как нежно мы их любим...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ
Фото автора